

Православная церковь и становление начальной школы в белорусско-литовских губерниях в конце 1850-х–середине 1860-х гг.

Гулюк М. А.

г. Минск, БГУИР

На белорусско-литовских и украинских землях, отошедших после разделов Речи Посполитой к России, тесное взаимодействие между правительством и Православной церковью диктовалось, прежде всего, прагматическими соображениями. Православие было главнейшим идейным аргументом, обосновавшим присоединение этих земель, а деятельность Православной церкви рассматривалась как важнейший инструмент распространения русского культурного влияния.

Руководство белорусско-литовских епархий, в свою очередь, видело в российских властях единственных покровителей православия, вытесненного на периферию культурной и общественной жизни края и прозябавшего в нищих сельских приходах. Поэтому развитие церковного просвещения в Западном крае стало одной из приоритетных задач не только для православных иерархов, но и высшей российской администрации.

Инициатором создания церковно-приходских школ в России (август 1859 г.) стал митрополит Киевский и Галицкий Исидор (Никольский). В епархиях Правобережной Украины впервые была предпринята и масштабная попытка привлечения в эти школы представителей духовного сословия в качестве преподавателей. Весной 1861 г., после обращения Киевского генерал-губернатора И.В. Васильчикова к подольскому архиепископу Иринарху (Попову), тот приказал приходскому духовенству приступить к преподаванию светских дисциплин в церковных школах, а если таковых не окажется – то на дому у священников [1, с. 32; 2, с. 224].

Очень скоро выяснилась вся непродуманность и поспешность данного мероприятия. Священники, в силу занятости, сами преподавать не могли, а поручали это дьячкам, своим женам и дочерям, абсолютно не подготовленным к подобной миссии. Конфликт властей Киевского учебного округа с украинскими иерархами – по поводу того, кто должен возглавить школьное дело – привел к тому, что Министерство народного просвещения (МНП) перестало

оказывать церковным школам округа методическую и финансовую помощь. Окончательно же расстроил церковно-школьное строительство в Украине новый митрополит Киевский и Галицкий Арсений (Москвин). Рассорившись со светскими властями, он приказал исключать из духовного сословия тех выпускников православных семинарий, кто согласится работать в народной школе. В результате к середине 1860-х гг. начальная школа на Правобережной Украине оказалась в состоянии паралича [3, с. 75].

Гораздо большую заинтересованность в сотрудничестве с православной церковью проявило руководство С.-Петербургского учебного округа, в состав которого до октября 1864 г. входили Витебская и Могилевская губернии. В декабре 1862 г. помощник попечителя округа И.П. Корнилов предложил поднять жалование законоучителям приходских школ МНП на треть. Необходимые средства Корнилов хотел получить, закрыв часть дворянских училищ Витебской и Могилевской губерний. Реализация данного плана позволила бы улучшить материальное положение православных законоучителей, а также ослабить польское культурное влияние в белорусских губерниях [4, с. 361–372].

Однако самый успешный пример взаимодействия ведомств МНП и Св. Синода в начале 1860-х гг. был продемонстрирован в Виленском учебном округе (ВУО). Он включал Виленскую, Гродненскую, Ковенскую и Минскую губернии, где с весны 1862 г. началось массовое открытие «русских» начальных школ. Приступая к их созданию, попечитель ВУО А.П. Ширинский-Шихматов рассчитывал, прежде всего, на представителей духовного сословия. Об этом говорит конфессиональный состав слушателей педагогических курсов, начавших действовать в округе летом 1862 г., а также особый порядок открытия новых школ в округе. Согласно ему, приговоры сельских сходов о начальных училищах вступали в силу только тогда, когда кто-либо из православных священников брал на себя преподавание Закона Божьего и общее руководство школой [5, с. 201–203].

Православная церковь обеспечивала учителями и школы Министерства государственных имуществ (МГИ). В марте 1860 г. управляющий Минской палатой МГИ обратился к Минскому архиепископу Михаилу (Голубовичу) с просьбой о назначении законоучителей в приходские училища этого ведомства. Он также сообщал,

что в ряде местностей духовенство по собственной инициативе уже приступило к обучению, проводя его в своих домах, причем бесплатно. Минская палата МГИ просила архиепископа активизировать эту деятельность, предоставляла все необходимые учебные материалы, и выделяла вознаграждение для законоучителей. За труды по обучению до 12 человек она готова была платить по 25 руб. в год, за 25 учеников и выше – по 50 руб. в год. На тот момент учитель приходского училища, для которого преподавание было основной работой, получал от 50 до 80, в редких случаях 100 руб. серебром в год [6, л. 1–5 об., 157].

Одним из результатов восстания 1863–1864 гг. стало многократное усиление влияния Православной церкви на начальное образование в белорусско-литовских губерниях. М.Н. Муравьев в своем письме к обер-прокурору Синода А.П. Ахматову от 19 февраля 1864 г. заявил, что «... Православие ... одно здесь может служить прочною основой владычества России и развития в русском духе...» [7, с. 8].

Циркуляром № 1 от 27 февраля 1863 г. А.П. Ширинский-Шихматов запретил народным учителям в течение учебного года отлучаться из школ без разрешения приходских священников. С 23 марта 1863 г. деятельность начальных школ ВУО стала регулироваться «Временными правилами», которые наделили приходских священников практически неограниченным правом контроля над учащимися и педагогами, вплоть до закрытия народных училищ. Только православному духовенству разрешалось преподавать в школах ВУО без предварительного согласования с гражданскими властями.

В период генерал-губернаторства М.Н. Муравьева и К.П. Кауфмана (май 1863–октябрь 1866 г.) представители духовного сословия стали главным, если не единственным источником кадров для всей начальной школы ВУО. В 1864 г. из 620 народных учителей округа 571 человек, т. е. 92 %, принадлежало к духовному сословию и только 49 педагогов (8 %) были светскими лицами.

План Муравьева по развитию народного образования края под эгидой православной церкви разделял и митрополит Литовский Иосиф (Семашко). В конфиденциальном письме к обер-прокурору Синода А.П. Ахматову от 15 февраля 1863 г. он предложил передать все церковные училища края МНП, одновременно сохранив за

ними контроль со стороны духовных властей. Приходские священники, настаивал Семашко, должны иметь право требовать устранения начальных учителей, в том числе светских, если те будут замечены « в уклонении » от правительственного курса [8, с. 32–34].

Однако в «муравьевскую эпоху» свободный доступ в народные училища края получили не все представители духовного сословия, а прежде всего выходцы из великорусских губерний. Они были вызваны в край М.Н. Муравьевым и И.П. Корниловым при поддержке митрополита Московского Филарета и архиепископа Ярославского и Ростовского Нила (Исаковича), уроженца Могилева. Это были в основном выпускники православных духовных семинарий и священнослужители без прихода.

Первые из них появились в ВУО летом 1864 г., а началу 1865 г. их число возросло до 120 человек. Некоторые из прибывших не закончили даже полного курса духовных семинарий, что не помешало учебным и гражданским властям края давать им отличные характеристики. Всего же к началу 1865 г. в округе народными учителями работало 362 представителя духовного сословия [9, с. 567; 10, с. 80–81].

На вызванных учителей был распространен ряд льгот, которыми пользовались в Виленском крае русские чиновники. Если рассматривать льготы только с законодательной точки зрения, они выглядели достаточно скромно, поскольку начальные учителя не имели классного чина. Им полагались только прогонные и подъемные – от 50 до 85 руб. на человека (в зависимости от семейного положения), 150 руб. жалования в сельском и 200 руб. в уездном училище, а также казенная квартира с отоплением и прислугой. За преподавание же Закона Божьего, имевшего, с точки зрения властей, огромное значение, доплачивалось всего 50–60 руб. в год [11, с. 12–14].

Основная часть льгот прибывшим в ВУО «исконно русским» учителям была предоставлена не правительством, а администрацией края. Так, М.Н. Муравьев практиковал совмещение должностей народного учителя и волостного писаря. Такой подход обеспечивал властям полный административный контроль в деревне, а занимавшим эту должность лицам – двойное жалование (не менее 450 руб.

в год) и дополнительный заработок за составление писем и прошений. Народному учителю, по требованию Муравьева, сельские общества также предоставляли 1 десятину земли для огородов, «квартиру» с отоплением и освещением, и т. н. «ссыпку» – 4–6 четвертей ржи и до 4-х четвертей ячменя или овса.

Кроме того, в 1864 г. Муравьев добился разрешения принимать на гражданскую службу, в т. ч. в учебное ведомство, лиц без необходимого для этого образовательного ценза, если они происходили из духовного сословия. Таким образом, учителя из бывших семинаристов, принятые на работу в средние учебные заведения ВУО, получали 14-й (низший) классный чин и все остальные льготы, предусмотренные для русских чиновников. К.П. Кауфман сохранил для народных учителей все указанные льготы. Он хотел дать им и ряд дополнительных льгот, в виде земельных участков по 20–50 десятин, но из-за противодействия придворной партии Валуева – Долгорукова этого не произошло.

Но самым важным для выпускников духовных семинарий из внутренних губерний России, прибывших в Виленский край, были даже не льготы. После двух-трех лет учительства Синод обещал предоставить им места священнослужителей в крае. Учитывая, что лиц со средним духовным образованием в Центральной России на тот момент было в три-четыре раза больше, чем церковных приходов, это выглядело очень заманчиво. В белорусско-литовских же губерниях после 1863 г. развернулось интенсивное строительство церквей (за счет контрибуционных сумм) и создание новых православных приходов, а жалование православных священнослужителей благодаря стараниям М.Н. Муравьева было увеличено в полтора-два раза. С 1865 г. оклад священника составил 225–280 руб. в деревне, около 400 руб. в уездном и до 700 руб. в губернском городе, что было гораздо выше, чем в России [15, с. 10, 16, 19; 16, с. 226–227]. Пожертвования прихожан могли увеличить эту сумму еще в несколько раз.

Муравьевская администрация, православные иерархи и славянофилы представляли чиновников и педагогов, прибывших в край после 1863 г., идейными борцами за «русское дело», миссионерами православия и «русской идеи». Политические силы, поддерживавшие католическую церковь, революционно-демократический

лагерь, а позднее, и советская историография характеризовали их как людей без чести и совести, «недоучившихся семинаристов», привлеченных в край единственно жадной наживы и стремлением сделать карьеру. К тому же, как отмечали современники, они были совершенно не знакомы с педагогикой. Единства мнений по этому вопросу нет и сегодня. Если одни исследователи говорят о дискриминации белорусского населения и удушении национальной культуры, то другие считают, что ужасы «системы Муравьева» сильно преувеличены и акцентируют внимание на революционном насилии повстанцев, а также «консервативном реформаторстве» самого М.Н. Муравьева.

При всей полярности мнений по данному вопросу нужно отметить, что отношения даже между лучшими представителями «истинно-русских деятелей» и местным населением отличались большой степенью отчужденности, а порой и враждебностью. Прибывшие из России учителя не знали белорусского, не говоря уже о литовском, языка и местных обычаев, что серьезно затрудняло обучение [17, с. 8–9]. Зачастую дети даже не понимали того, что объяснял им учитель. Но самое главное заключалось в том, что, по словам председателя Виленской археографической комиссии П.А. Бессонова, «... местная администрация сразу же захотела сделать их (русских учителей. – М.Г.) орудием религиозной пропаганды и тем самым чуть не погубила все дело народной школы».

Необходимо учитывать и то, что в 1860–70-х гг. крестьяне рассматривали казенные школы как дополнительную повинность и крайне неохотно отдавали в них своих детей. Оценивая ширину «полосы отчуждения» между русскими учителями и их учениками-белорусами нельзя сбрасывать со счетов и острую идейную борьбу, а точнее, идеологическую войну между «русской» и «польской» партиями. Если М.Н. Муравьев и И.П. Корнилов наклеивали на местное дворянство ярлыки «плантаторов» и «пришлых», пытаясь натравить на них все не католическое население края, то их противники не оставались в долгу.

Например, в Сенненском уезде Могилевской губернии в конце 1860-х гг. «польская» партия через евреев-торговцев пустила слух о том, что всех детей, которых крестьяне отпускают в «русские» школы, скоро заберут в солдаты. Основанием для этого слуха

послужило поведение учителя Мокшанского народного училища, который вместо учебы муштровал детей, раздав им деревянные ружья. Попечитель П.Н. Батюшков, посетив с ревизией Мокшанское училище, сразу же уволил этого «педагога». Несколько годами ранее такой же прием был применен католической партией и в отношении юношей, желавших поступить в Молодечненскую семинарию [18, с. 77, 81; 19, с. 270–271].

Отношение российских властей к местным православным священнослужителям было неоднозначным. С одной стороны, муравьевская администрация зачастую не доверяла им, припоминая старые униатские грехи и считая «ополячившимися». Так, в 1863 г. она не разрешила открыть при Могилевской духовной семинарии учительские курсы, а в 1864 г. – бесплатную воскресную школу, где ректор этой семинарии хотел прививать воспитанникам педагогические навыки. Первоначально М.Н. Муравьев хотел даже удалить из народной школы работавших там белорусских православных священников. Против этого возражал А.П. Ширинский-Шихматов, с пониманием относившийся к пережиткам полонизма в среде местного православного духовенства. Разногласия с генерал-губернатором по данному вопросу стали одной из причин отставки попечителя ВУО в январе 1864 г.

С другой стороны, быстрые темпы роста «русских» училищ в ВУО заставили привлекать к работе в них и местное духовенство. Масштабы этой практики год от года расширялись, но каждое подобное назначение санкционировал лично попечитель И.П. Корнилов. Кандидатов в учителя предлагали епископы и дирекции народных училищ. Однако довольно быстро выяснялось, что священнослужители не способны эффективно и на постоянной основе заниматься преподаванием. В 1865 г. Училищный совет Витебской и Могилевской губерний временно отказался от назначения священников на учительские должности из-за того, что те были перегружены церковными обязанностями. К этому времени только в школах МГИ двух вышеуказанных губерний работало 63 священника [20, с. 20]. В Виленской и Гродненской губерниях в том же году в училищные советы обратилось само духовенство, с просьбой оставить за ним только преподавание Закона Божьего. Но такого

разрешения оно не получило и к началу 1869 г. из 151 учителей Гродненской губернии 66 человек, или 44 %, составляли священники, а еще около 50 % – бывшие духовные семинаристы и низшие члены клира [21, с. 51].

Несколько лучшая ситуация наблюдалась в Минской губернии, где к 1868 г. из 435 учителей светских предметов 101 были священниками и дьяконами (32 %) а еще 95 человек (30 %) – воспитанниками духовных семинарий и училищ. В апреле 1869 г. 32 священника, преподававшие светские дисциплины и Закон Божий в начальных школах этой губернии, удостоились, по представлению попечителя округа, благодарственного императорского указа за «... неослабно-деятельное содействие распространению русской грамотности и развитию и укреплению в молодом поколении истин и правил православной веры...» [22, л. 1, 1 об]. Учитывая, что о создании каких-либо особых условий для работы духовенства Минской епархии в народной школе неизвестно, скорее всего, это был пропагандистский жест учебных властей, рассчитанный на духовенство соседних епархий.

Большинство священнослужителей, работавшие в начальных школах округа, имели учителей-помощников, которые и взяли на себя все тяжесть преподавания. Их выбирали сами священники из низших членов клира: причетчиков, певчих и т. д. Они же из своих доходов и оплачивали труд этих лиц (обычно несколько рублей в месяц, по взаимной договоренности). Подобная практика была санкционирована руководством ряда епархий, в частности, Литовской и Минской, еще в начале 1860-х гг. Таким образом, преподавание в школах, где народными учителями числилось православное духовенство, было фактически отдано на откуп политически благонадежным и конфессионально родным, но малокультурным и профессионально безграмотным лицам.

Православные священнослужители края рассматривали работу в начальной школе как тяжелое бремя. Это подтверждает позиция, занятая в конце 1860-х гг. «Вестником Западной России» – рупором ультраправого крыла «западно-русской» партии. Редактор и издатель этого журнала К.А. Говорский (в прошлом – преподаватель Киевской духовной семинарии), безоговорочно поддерживая

«Временные правила» 1863 г., предлагал все же рассматривать православных священников не как преподавателей светских дисциплин, а прежде всего как людей, способных контролировать образ мыслей народных учителей. Главным же кадровым источником начальной школы, по мнению Говорского, должны были стать выпускники местных духовных семинарий, в абсолютной лояльности которых власти края имели возможность убедиться в 1863–1864 гг. [23, с. 4, 7].

Первые попытки привлечь выпускников белорусских духовных заведений в начальные школы были предприняты в конце 1850-х гг. в Литовской, Могилевской и Минской епархиях. Так, по распоряжению архиепископа Минского Михаила при рукоположении в сан выпускников духовных семинарий с них стали брать письменное обязательство о том, что получив приход, они откроют там школу и организуют в ней обучение. Правда, это распоряжение исполнялось по большей части формально, либо не исполнялось вовсе, благо, что предложений было предостаточно (от отсутствия помещений и финансов до противодействия местных властей). Так, в 1861 г. в Минской епархии по отчетам числилось более 1000 церковных школ, но вознаграждение за преподавание получали только 34 учителя-священника (по 20–85 руб. в год).

Реальный прогресс наметился только летом 1862 г., когда в Вильно и Минске по инициативе А.П. Ширинского-Шихматова были организованы краткосрочные педагогические курсы для белорусских и российских семинаристов. В следующем году учебные власти округа задумали более масштабное мероприятие.

Осенью 1863 г. попечитель ВУО обратился к архиепископу Минскому Михаилу с просьбой указать приходы его епархии, где можно было бы открыть «русские» школы. Архиепископ Михаил 15 ноября того же года назначил 108 приходов, где должны были размещаться новые народные училища и наметил для них учителей – выпускников местных духовных семинарий. Но понимая, что сразу дать новым школам 108 учителей-семинаристов невозможно, Михаил приказал временно выполнять учительские обязанности приходским священникам и дьяконам. Те должны были нанять помощников и незамедлительно приступить к преподаванию.

Архиепископ объяснил причину подобной поспешности — «...борьба с врагом» (т. е. с поляками. — М.Г.) и заверил священнослужителей, что в скором времени новые училища посетят директор Минской гимназии и особые преподаватели, командированные округом. Они будут раздавать учебные пособия, и обучать методике преподавания.

Уже осенью 1863 г. во все духовные семинарии края были направлены т.н. «правительственные вызовы». Они предлагали выпускникам включиться в работу местных властей волостными писарями и учителями. В частности, в Полоцкую семинарию только в течение лета 1864 г. такие «вызовы» приходили дважды, каждый раз находя добровольцев, правда, не слишком многочисленных. В январе 1864 г. в трех новых приходских училищах г. Вильно (Остробрамском, Замковом и Заречном) учителями стали выпускники Литовской семинарии Ф. Гижевский, А. Лихачевский и И. Красковский. Перед началом работы напутствие дал им лично М.Н. Муравьев.

Для бывших семинаристов, желавших работать в школе, дирекции училищ устраивали краткосрочные педагогические курсы. В столице края ими руководил директор Виленской гимназии В.И. Малиновский. На первых порах он требовал от учителей новых училищ ежедневных отчетов и сам ежемесячно посещал школы, помогая наладить обучение. Общий надзор за школами Вильно осуществляли полковник Павлов и флигель-адъютант М.Н. Муравьева князь Шаховской. В учебном процессе участвовала и полиция, требуя от учителей ежедневных списков отсутствующих учеников и доставляя тех на занятия силой.

В Витебской губернии в 1866 г. на летних курсах занималось 10 человек. В августе—октябре 1867 г. из 20 «учительских кандидатов», занимавшихся при Минской дирекции, четверо были выпускниками местной духовной семинарии. Всем им выдавались по 15—20 руб. прогонных денег за счет епархии. Только в 1869 г. в народные училища этой губернии поступило 14 бывших воспитанников Минской духовной семинарии (в т. ч. 12 с законченным средним образованием) и 13 духовных семинаристов из российских губерний, не окончивших курса. Всего в 1869 г. в дирекции училищ

Минской губернии светские предметы преподавало 496 учителей: 94 священнослужителя, 88 – выпускника духовных семинарий и 21 выпускника духовных училищ [24, с. 17–18].

Значение местных духовных семинарий как кадрового источника для народной школы ВУО росло по мере того, как иссякал поток кандидатов из центральных губерний, и выяснялась невозможность для приходского духовенства совмещать свои основные обязанности с преподаванием. В апреле же 1866 г. коренному пересмотру подверглась кадровая политика в области начального образования в целом. Обер-прокурор Синода и новый министр МНП Д.А. Толстой решил сделать православные духовные семинарии главным поставщиком кадров для начальных школ всей страны.

По замыслу Д.А. Толстого, избыток выпускников православных семинарий, а также изданный 11 июня 1869 г. указ о свободном выходе из духовного сословия олжны были надежно обеспечить учителями как светские, так и церковные училища. При каждой духовной семинарии стали создавать воскресные школы, предназначенные для педагогической практики воспитанников. Так, в январе 1867 г. была открыта воскресная школа при Могилевской духовной семинарии, чего ее ректор, архимандрит Палладий (Ганкевич) добивался с конца 1864 г. Первоначально школу посещало 70 человек, но к концу 1868 г. число учеников сократилось до трех. Причина заключалась в отсутствии средств и плохо организованном процессе обучения.

С декабря 1866 г. начала действовать воскресная школа при Литовской духовной семинарии, предназначенная для учеников всех конфессий. Однако из-за бойкота католиков и лютеран ее посещали только православные, не более 10 человек. Несмотря на пособие от Управления ВУО, школа влачила жалкое существование и в 1871 г. ее даже собирались закрыть. Архиепископ Литовский Макарий (Булгаков) не допустил этого, но оживить занятия удалось только в 1873 г., когда школе стали выделять по 300 руб. в год. К середине 1870-х гг. количество учеников в ней выросло до 20 человек.

В 1869 г. архиепископ Литовской Макарий выдвинул локальный план по подготовке начальных учителей для Ковенской губернии. Он обратился в Синод с просьбой выделить Литовской духовной

семинарии 24 дополнительные стипендии. Их должны были назначать детям литовских крестьян православного исповедания, которых предполагалось набрать в семинарию. Таким образом, считал Макарий, удалось бы одновременно решить две задачи: подготовить учителей, знавших литовский язык и православных миссионеров для Жмуди.

Синод разрешил принимать православных литовцев в семинарию (ранее это было запрещено). Но никаких дополнительных средств Литовской семинарии выделено не было, а пособия литовцам предлагалось назначать за счет ее штатных средств – 115 казенных стипендий, в которых остро нуждались и воспитанники-белорусы. После этого вопрос о подготовке учителей-литовцев в семинарии руководством епархии больше не поднимался, тем более что православных крестьян-литовцев в Ковенской губернии были единицы.

Обучением в воскресных школах при духовных семинариях занимались воспитанники старших классов, по очереди. Но контроль над ними со стороны педагогов отсутствовал, а сами воспитанники, не собираясь работать учителями, были не заинтересованы в приобретении педагогических навыков. Поэтому преподавание шло из рук вон плохо и в 1880 г., как только воскресные школы лишились дотаций МНП, они были закрыты.

В конце 1860-х гг. воскресные школы появились и при некоторых приходских церквях белорусских епархий. Активную помощь епархиальным властям оказало в этом, по просьбе Д.А. Толстого, Управление ВУО. В своем письме к И.П. Корнилову от 4 апреля 1867 г. он высказывал мнение, что «обрусительный» эффект от деятельности народных школ край почувствует еще не скоро. Поэтому Толстой предлагал в кратчайшие сроки открыть хотя бы несколько школ для взрослых, причем за счет округа, так как в министерстве для этого денег нет [25, с. 132].

В Волковысском уезде Гродненской губернии осенью 1867 г. открылись две школы: в селе Лысково (в помещении народного училища) и в селе Ивашкевичи. Первую школу, которой руководил приходский священник И. Огиевич, посещало около 100 человек, в т. ч. 20 женщин. Ивашкевичскую воскресную школу, где училось

от 50 до 100 человек, возглавлял священник И. Кончевский. В школах обучали русскому письму, счёту, разнице между православными и католическими обрядами и догматами. По ходатайству инспектора народных училищ Олонцова, посетившего с ревизией Волковысский уезд в декабре 1867 г., оба священника получили премию по 50 руб. Всего в 1868 г. в округе действовало пять воскресных школ для взрослых [26, с. 168–169; 27, с. 56–58].

К началу 1870-х гг. стало очевидно, что план Д.А. Толстого по подготовке народных учителей в духовных заведениях потерпел неудачу. В то же время в ВУО ее масштабы были менее заметны, чем в других регионах страны. До середины 1870-х гг. выпускники духовных семинарий и училищ составляли 70–80 % начальных учителей округа. Затем их удельный вес начинает снижаться, но еще в начале 1880-х гг. не менее трети народных учителей ВУО были выходцами из духовного сословия.

Таким образом, борьба с польским культурным влиянием в белорусско-литовских губерниях после восстания 1863–1864 гг. наложила отпечаток на просветительскую деятельность Православной церкви, которой пришлось выполнять политический заказ российского правительства. Вместе с тем, эта деятельность была вполне бескорыстной и способствовала развитию начального образования белорусского народа, формированию белорусской национальной интеллигенции.

Использованная литература

1. Лотоцкий, А. Народное образование в Подолии в его прошлом и настоящем / А. Лотоцкий // Образование. – 1899. – № 4. – С. 71–91.
2. Никулин, М.В. Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х – конец 1870-х гг.): дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / М.В. Никулин. – М., 1996. – 38 с.
3. Отчет попечителя Киевского учебного округа, князя Ширинского-Шихматова, представленный в ноябре 1865 г. – Б.м., 1865. – 97 с.

4. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП) – 1862. – Октябрь.
5. Виленский временник. – Кн. 4, ч. 1.
6. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 136, оп. 1. – Д. 29101. – Л. 1 – 5 об.
7. Из переписки гр. М.Н. Муравьева об улучшении материального быта православного духовенства в Северо-Западном крае / сообщил А. Миловидов. – Вильна: Тип. Св.-Дух. братства, 1899. – 20 с.
8. Распоряжения графа М.Н. Муравьева по делу народного образования в Северо-Западном крае в 1863–1865 годах. – Витебск: Губ. типо-литограф., 1894. – 34 с.
9. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі: у 4 т. – Мінск, 1940. – Т. 2. (1772–1903) / Пад рэд. Н.М. Нікольскага, Д.А. Дудкова, І.Ф. Лочмеля. – 939 с.
10. Миловидов, А. Деятельность графа М.Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае / А. Миловидов // ЖМНП. – 1905. – Май – Июнь. – С. 30–100.
11. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 2. – Т. 39, отдел. 1. – № 40582.
12. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 41, отдел. 1. – № 43335.
13. Корнилов, И.П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху / И.П. Корнилов. – СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1901. – 410 с.
14. Захарьин, И.Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864–1870 гг. (из записок мирового посредника) / И.Н. Захарьин // ИВ. – Т. 15 (1884). – № 3. – С. 538–565; № 4. – С. 56–95.
15. Из переписки гр. М.Н. Муравьева об улучшении материального быта православного духовенства в Северо-Западном крае / сообщил А. Миловидов. – Вильна: Тип. Св.-Дух. братства, 1899. – 20 с.
16. ЖМНП. – 1863. – Март.
17. Отчет по управлению Минской дирекцией народных училищ за: 1865 год. – Вильна: Тип. А. Сыркина, 1866. – 33 с.; – Вильна: Тип. А. Сыркина, 1867. – 23 с.
18. Сборник сведений о средних учебных заведениях Виленского учебного округа. – Вильна: тип. М.Р. Ромма, 1873. – 376 с.

19. Отчет по управлению народными училищами в губерниях Витебской и Могилёвской за 1865 гражданский год. – Б.м., б.г. – 54 с.

20. Вестник Западной России (ВЗР). – Год 7 (1869). – Кн. 7, т. 3.

21. НИАБ – Фонд 136. оп. 1. – Д. 30048. – Л. 422, 422 об.

22. Отчет по управлению Минской дирекцией народных училищ за 1869 год. – Минск: Тип. губ. правлен., 1870. – 76 с.

23. Корнилов, И.П. Русское дело в Северо-Западном крае.

24. Извлечение из ... отчета министра народного просвещения за 1868 год // ЖМНП. – 1870. – Январь. – С. 36–87.

25. ВЗР. – Год 8 (1868). – Кн. 7, т. 3.

26. Родевич, М.В. Белорусские народные школы / М.В. Родевич // отгиск из журн. «Заря», 1871: Т. 4, с. 101–128; Т. 5, с. 58–119.

Особенности национальных представлений о себе и белорусах у студенческой молодежи

Гребень Н. Ф.

г. Минск, БГПУ

Обращаясь к проблеме представлений о себе как отдельной личности, так и определенной социальной группы, каковой является и нация, мы сталкиваемся с тем, что на сегодняшний день современная психологическая наука оперирует такими понятиями как «образ себя», «образ Я», «самосознание», «самоотношение», «самооценка», «Я-концепция». Эти понятия следует рассматривать как теоретически родственные, хотя все они имеют содержательную самостоятельность. При этом надо отметить, что наибольшую теоретическую разработку из перечисленных терминов получили две категории: в советской психологии – это самосознание, а в западной – Я-концепция.

В психологическом словаре самосознание определяется как высший уровень развития сознания – основа формирования умственной активности и самостоятельности личности в ее суждениях и действиях. Коротко самосознание можно определить как образ себя и отношение к себе. Эти образ и отношения неразрывно связаны со стремлением к самоизменению, самоусовершенствованию. И одна из высших форм работы самосознания – попытки найти